

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150

УДК 316

ПРОБЛЕМА ТЕХНОСУБЪЕКТА: О СУБЪЕКТНОСТИ «СУЩНОСТЕЙ-КОНСТРУКТОРОВ»

Игнатьев Владимир Игоревич,

доктор философских наук, профессор,

профессор кафедры социологии и

массовых коммуникаций

Новосибирского государственного технического университета,

Россия, 630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20

ORCID: 0000-0003-3243-4404

ighnatiev.v@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу одной из самых критических точек современности – кризису доминирования человеческой субъектности. Показано, что кризис вызван появлением в составе социума альтернативной формы агентов социальной жизни – технообъектов с искусственным интеллектом и признаками субъектности. Цель автора – обосновать возможность интерпретации характера этих устройств как субъектоподобных объектов. Исследование основано на проводимой экспликации понятий субъекта и субъектности и переосмыслении их интерпретаций, содержащихся как в классических теориях, так и в акторно-сетевой теории и связанных с ней подходах. Анализируются взгляды Б. Латура, Дж. Ло, А. Мол, объектно-ориентированная онтология Г. Хармана, онтикология Леви Р. Брайанта, теории ассамбляжей М. Деланда и сложности Э. Морена, концепты машинного бессознательного Н. Ланда и техносубъекта В. Мазина. Используется интегрированная характеристика человека как субъекта: индивидуальное бытие с активным началом, телесность, материальность и протяженность, сознание, личностные характеристики и самосознание. Вводятся критерии отнесения некоторых технообъектов к разновидности *технообъектов* – автономность и интеллект. Такие технообъекты являются искусственными сущностями-ассамбляжами, готовыми к трансформации в техносубъекты. Выявлено различие между «слабыми» техносубъектами (без искусственного интеллекта) и собственно техносубъектами (с искусственным интеллектом). Утверждается, что техносубъекты, генетически оставаясь техническими сущностями, находятся в переходной зоне от «сущности-конструктора» к другой – органичной техносущности, подобной человеку. Накапливая компоненты и функции активной искусственной системы, технообъекты приобретают качество субъектности. Установлено, что искусственная сущность-субъект проявляет себя в пассивных

сущностях-актантах, в активных сущностях-протосубъектах и собственно в «сущностях-конструкторах» – техносубъектах, обладающих способностью интегрировать данные, производить их анализ в ситуации неопределенности, перепрограммируя себя и создавая новые алгоритмы.

Ключевые слова: субъект, сущности, «сущности-конструкторы», ассамбляжи, искусственный интеллект, технообъект, техносубъект, акторно-сетевая теория, объектно-ориентированная онтология.

Библиографическое описание для цитирования:

Игнатьев В.И. Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов» // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 1, ч. 1. – С. 130–150. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150.

Введение. Кризис субъектности

Перенаселение социального пространства техническими объектами особого рода – уже не вполне машинами, но и не вполне состоявшимися формами самостоятельной активности, подобными новым жизненным формам, стало знаком современной эпохи – информационной, техногенной и оцифрованной. Состав компонентов социума изменился не только количественно, но и качественно. Рядом с людьми появились не уступающие им по значимости разнообразные технические артефакты: автономные, сверхсложные, с механической и электронной автоматикой, многие теперь еще и наделенные искусственным интеллектом (ИИ). Общество стало как никогда гетерогенным, что не может не отражаться на его качественном своеобразии как особой – социальной – формы, состоящей из людей. Хотя... теперь уже не только и не столько из людей. Но парадокс: это *качественное* изменение состава остается недооцененным в социальных теориях современности. Вместе с тем исследования места цифровой техники и технологии с ИИ в социальных взаимодействиях и индивидуальном поведении ширятся на эмпирическом уровне социологии науки и технологий, в психологии, нейрофизиологии и когнитологии. Но эти артефакты в основном интерпретируются как особые инструменты, инертные «проводники». В то же время численность и разновидности этих «проводников» продолжают множиться. В поле зрения находятся компьютеры, мобильные устройства связи, Интернет вещей, алгоритмы, программы, софты. Мир людей перенаселен миром беспрецедентно сложных артефактов, живущих всё более самостоятельной «жизнью», перекраивающих традиционную ткань социальных связей, ломая и заменяя человеческие функции на функции-придатки машин. А мир людей больше нельзя рассматривать как гомогенный. По крайней мере, придется констатировать, что в его составе два равносильных (пока) игрока – мир людей и мир машин. И эта равносильность и равновесность основана на замене естественного

(человеческого) механизма контроля и управления машинами контролем с помощью особых машин, основанных на ИИ.

Такой расколотый социальный мир балансирует на единстве и противостоянии пространства людей и пространства машин принципиально нового типа. Человеческая субъектность и сущность перестали быть уникальными и вошли в процесс интенсивной эволюции. По мнению канадского социолога У.Х. Ванденбурга (Vandenburg), «большинство вызовов нашей цивилизации происходят из столкновений, с одной стороны, между “миром” машин, с другой – человеческой жизнью, обществом и биосферой» [10, с. 27]. Современное общество метаморфизировалось в «анти-общество», в котором в дополнение к *гомозкономикусу* сформировался социальный тип *гомо информатикус*, и мы начали перестраивать все культурные смыслы и ценности применительно к техническому миру [10, с. 29]. Как полагает его коллега В. Моско (Mosco), новые реалии цифрового общества «фундаментально меняют отношения между людьми и цифровыми машинами и означают постоянную интеграцию людей и машин» [10, с. 28]. Технообъекты с ИИ всё более активно проявляют себя как субъекты. В. Моско так описывает этот процесс: «Всё больше люди работают ассистентами роботов и других умных средств... они отказываются от многого, если не всего, в контроле за автономными аппаратами и алгоритмами, доверяя им принимать решения в бизнесе, управлении и социальной жизни» [10, с. 31]. Появляются новые сферы труда, связанные с производством механизмов надзора за людьми и манипулирования их поведением. Ряд из них вообще не предполагает участия людей, что воспроизводит цифровые формы насилия. В. Моско подчеркивает, что «роботы создают машины эффективнее, чем могут люди; интеллектуальные системы осуществляют их вождение безопаснее, чем люди; дроны могут убивать людей эффективнее, чем сами люди...» [10, с. 31]. У.Х. Ванденбург приходит к выводу, что антиобщество и антиэкономика утверждают принципиально новый порядок жизни в виде «не-жизни», где «растет число сфер человеческой жизнедеятельности, определяемых терминами машин» [10, с. 32]. Как пишет В. Зассин, «...из-за цифрового интеллекта небологических субстратов *de facto* возникло новое существо, новый “вид”, не похожий ни на что до сих пор созданное “природой”. Эти “чужаки” не просто появились на планете Земля, а стали неотъемлемой частью цивилизации, которую сам *homo* и создал и от которой стало зависеть само его существование. Цивилизация на цифровой основе... не может более управляться и контролироваться человеком» [8, с. 22].

Но насколько обосновано ожидание угрозы, исходящей от этих «чужаков»? Если эти машины действительно становятся не только беспрецедентно влиятельными, но и всё более неподконтрольными человеку, не

означает ли это, что они не вполне или уже вовсе не машины, а объекты, способные принимать решения, и их превращение в субъектов уже происходит?

Субъект и субъектность

Субъект – это носитель предметно-практической деятельности и познания, источник активности, направленной на объект. У Аристотеля он и индивидуальное бытие, и материя – неоформленная субстанция, сущность. В средневековой схоластике это нечто реальное, существующее в самих вещах (тогда как объект существует лишь в интеллекте). Современная трактовка восходит к Декарту, у которого субъект и объект резко противопоставлены, что было ему принципиально важно подчеркнуть для обоснования достоверности знания. Субъект выступает как активное начало, носитель определенных качеств. Лейбниц представлял субъект как некую материальную основу определенных качеств души. У Гоббса же субъект – это тело, наделенное определенными свойствами (акциденциями), находящееся в пространстве, материальное и протяженное. Оно может выступать и как живое существо, наделенное способностями воспринимать и производить познавательную деятельность. У Канта субъект – родовое основание всего опыта исторического познания. При этом субъект и субстанция представлены им как синонимы. «Субстанция – это самостоятельно существующий субъект» [9, с. 247]. По Канту, субъект есть мыслящее существо, поскольку существует самостоятельно, независимо от других предметов. В философской системе Гегеля субъект (как абсолютный дух) и объект были представлены как тождественные. Ж.-П. Сартр полагал, что субъект связан с Другим и только через Другого может появиться. Он открывается через свое бытие в качестве объекта в глазах Другого и через это открытие становится субъектом [20, с. 276]. Как писал А.Н. Уайтхед, «каждый вид действия распадается на целостный опыт в качестве активного субъекта и на вещь или объект, с которым связана специальная активность... понятия субъекта и объекта относительны. Событие есть субъект по отношению к его особой активности, направленной на объект, и всё что угодно может быть объектом, если возбуждает в субъекте некоторую особую активность» [21, с. 576]. Также и у Э. Левинаса субъект – это некий ответ на вопрос Другого, и только во взаимодействии с Другим и появляется субъект [13, с. 187–189]. Добавлю, что таким образом возникает особое – субъект-субъектное – взаимодействие, которое и есть собственно взаимодействие, а также и способ существования самого субъекта, и проявление субъектности.

Сущность субъекта – наличие у него самосознания. Благодаря этому качеству субъект превращает фрагменты реальности в объекты, которые даны ему в предметной деятельности. Он носитель деятельности, созна-

ния и познания [14]. С. Бескаравайный, один из немногих, кто начал использовать термин «техносубъект», определяет его как «синтетический, искусственный эквивалент индивидуального субъекта» [1, с. 154], вероятно, имея в виду искусственного человека. Термин появляется у этого автора как символ чего-то и знакомого (человеческого), и нового, парадоксального и необъясненного (нечеловеческого). При этом его субъектные качества сводятся к способности проявлять активность (воздействовать на окружение и себя) и делать это осмысленно (познавая). В таком случае любая аналитическая машина, отдающая приказы механическим устройствам, может быть причислена к субъектам. Но при этом ей не хватает главного – личностных характеристик, которые есть комплекс представлений субъекта о себе как об индивидуальности и уникальности, комплекс, сформированный в результате накопления собственного жизненного опыта. Эти черты формируют самосознание субъекта, т. е. уникальную внутреннюю картину мира – *субъективность*.

Дж. Серл отмечал, что никакие технологические интенсификации не способны довести искусственный разум до уровня человеческого сознания из-за невозможности преодолеть фундаментальный разрыв между первичной и производной интенциональностями. Согласно Дж. Серлу, искусственный интеллект не приспособлен к мыслительному процессу. Он подчеркивает, что содержательное наполнение символических структур осуществляет только человек, подкрепляя этот процесс подлинными элементами разумной жизни [27]. Д.И. Дубровский также настаивает на неадекватности аналогии между искусственным интеллектом и человеческим мозгом. Субъективная реальность человека, по его мнению, его сознание не просто эпифеномен процессов мышления, а выражение особого уникального уровня и способа производства, переработки и использования информации в самоорганизующейся системе. В результате субъективная реальность оказывается неуловимой для привычных функционалистских методов, опирающихся на описание внешних действий системы, ее реакций [7]. Именно это и не свойственно тому квазисубъекту, которого предложено определять как техносубъект.

Но полагаю, что свойство субъектности может иметь и иной генезис – техногенезис, в процессе которого возникает *тоже* субъект, но особого рода (иного происхождения) и другой сущности. Поэтому приставка *техно-* всё же схватывает саму его суть, но, впрочем, не осознаваемую автором конструкта «техносубъект» как главную его характеристику – быть не просто субъектом и даже не техно-, а *искусственного* происхождения. В данном случае речь идет об особом субъекте – отдельном, единичном, относительно автономном объекте-носителе источника активности, обладающем некоторыми важными чертами человека как личности, прежде всего ин-

теллектом, если этот технообъект основан на ИИ. Вопрос о наличии субъектности у сложных техносистем без *этого* компонента требует специального рассмотрения, на чем останавлиюсь далее. Но интеллект – это лишь один из атрибутов человека разумного, делающего его активным аналитиком, но еще не субъектом с характеристиками личности. В этом смысле действительно существо с ИИ будет похоже на субъекта, если последнего определять как личность. Но это только схожесть. И принципиально не важно, будет ли человеческий аналог похож на прототип (будучи андроидом как антропоморфным подобием) или же примет другую форму. Главное – это будет особый *вид субъекта* с необходимым атрибутом *техно*. В видовое множество таких *техносубъектов* попадают роботы, Интернет вещей, промышленный Интернет, мобильные переносные средства связи с ИИ, умные дома, квартиры и средства передвижения и все системы глобального слежения через датчики, образующие глобальный Паноптикум. Параллельно с этими техносубъектами развиваются и вживляемые в человеческое тело электронные устройства, делая эту разновидность биохакинга («грайндеринг») преимущественно технологией биотехнологической эволюции самого вида *homo sapiens*. Эти грайндеры, протокиборги и киборги постепенно становятся особой ветвью формирования сообщества параллельно развивающихся существ, которые прочерчивают линии движения альтернативных субъектов – действующих лиц и составных частей социума нового вида, и, пожалуй, в первом приближении с наименованием «гибридный социум».

Однако проблема различения и спецификации субъекта и объекта, субъекта и субъектности гораздо сложнее и требует соотнесения с человеческой субъективностью и *субъективностью* вообще. Заслуживает, в частности, внимания трактовка Д.В. Ивановым субъективности как способности уникального восприятия окружающего мира живыми организмами [24, с. 9–12]. Вероятно, как полагает Д.В. Иванов, субъективность можно связать с поведением любых живых организмов, поскольку они обладают уникальной перспективой – собственным видением окружающей среды. В этом случае живой организм, по Т. Нагелю, обладает некоторым знанием, которое доступно ему из этой перспективы [24, с. 9]. *Субъективность* выражается в индивидуальном восприятии и поведении. Обнаружение этого явления связано с его различением с *субъектностью*. Приписывание свойства субъектности только человеку вряд ли можно признать состоятельным хотя бы потому, что субъектность очень сложное качество, и любое его определение и характеристика будут слишком емкими для того, чтобы без колебаний остановить выбор только на одной из его сторон. Тем более что носителями субъектности могут выступать разные сущности: биологические, социально-антропологические и искусственные [19]. *Computo* (вычисление),

отмечает Э. Морен, «необходимо для существования существа и субъекта». *Computo* – значит производить элементы, из которых существо конституируется, «я вычисляю, следовательно, я существую» [19, с. 197]. Человек помещает себя в центр своего мира, который он знает, чтобы обработать его. «Именно здесь понятие субъекта появляется вместе с *computo*... Понятие субъекта неотделимо от этого акта компьютеризации, где человек не только является собственной конечностью, но и сам конституирует свою идентичность» [19, с. 197]. Можно также сослаться на позицию знактивизма: наше восприятие мира зависит от того, как мы действуем, а наши действия зависят от того, как мы воспринимаем мир. Таким образом, восприятие влияет на действия, а действия – на восприятия, и всё это зависит от *конкретной телесной организации* живого существа [19, с. 10]. Но только ли живого?

Всякая система, по убеждению Дж. Тонони, способная обладать интегрированной информацией, будет иметь определенный уровень субъективного опыта независимо от того, из какого субстрата она будет создана [24, с. 25]. Этот опыт как проявление субъектности (активности, *computo*) лежит в основе формирования субъективности. По мнению Д.В. Иванова, вероятно, нет качественного отличия субъективности человеческой и нечеловеческой, и робот может обладать субъективностью, как и смартфоны [24, с. 12]. Почему возможно отнести этих агентов к классу специфических субъектов? Они выстраивают свое поведение, реагируя не просто на каузальное воздействие, а на определенный стимул, воспринятый ими. Еще один критерий отнесения к объекту, обладающему субъективностью: он должен быть линейно непредсказуемым [24, с. 16]. С точки зрения Е.О. Труфановой, субъект следует рассматривать как имеющий сложную структуру, которая включает в себя и совокупный опыт индивида, и его различные социальные связи, и множество разных узлов, которые присутствуют вовне субъекта, но оказывают на него воздействие [24, с. 19]. Более того, как отмечает Д.И. Дубровский, «в содержание субъективности входит не только “квалиа”, но и другое содержание “субъективной реальности”: желания, волевое побуждение, состояние уверенности, воображение, эмоции, чувство принадлежности “Мне”, моему “Я”, абстрактно-теоретические построения» [24, с. 21]. По мнению М. Деланда, субъект «возникает из-за налаживаемых привычкой связей между причиной и следствием и согласованием цели со средствами, а выбор цели зависит от отраслей – от привычного преследования целей. Это – прагматичный субъект» [3, с. 63]. Как писал Ж. Делез, «то, что превращает душу в субъекта, то, что устанавливает субъекта в душе, – это принципы человеческой природы... принципы ассоциации... принципы аффекта... Субъект – это такая инстанция, которая – в результате действия принципа полезности – преследует некую цель (but) или намерение, она организует средства с точ-

ки зрения цели (fin) и в результате действия принципов ассоциации устанавливает отношения между идеями» [6, с. 102, 103]. Тем самым субъектность и субъективность нетождественные, но неотъемлемые атрибуты человека как субъекта.

Объекты и сущности, технообъекты и техносубъекты

Когда технические или естественные объекты приобретают черты субъектности? Как вообще это возможно? Могут ли их ансамбли образовывать новые отдельные сущности и становиться подобными субъектам? Вновь обратимся к М. Деланда и контексту полемики Г. Хармана с Б. Латуром: есть ли субъектность у ансамблей *акций* и образуют ли они новые сущности, и становятся ли эти сущности отдельными образованиями? Как описаны эти процессы в конструктах Деланда, Хармана и Латюра? Сопоставим вначале акторов с субъектами, чтобы прояснить в дальнейшем возможность появления субъектности у технообъектов вообще и устройств с ИИ в частности.

Отдельные объекты как самодостаточные образования – это органичные Сущности, обладающие генетической целостностью. В терминологии М. Деланда понятие «Сущности» (entities) соответствует понятию «Отдельные» и обозначает «относительно автономные образования, или единицы сущего, любое из которых, независимо от размера, обладает тем же онтологическим статусом, что и любое другое образование», в отличие от «essence» – «сущность чего-то» [3, с. 7]. Можно также выделить целостности – конструкторы; системными комплексами являются агрегации, а системные целостности и есть собственно системы. Особыми сущностями являются Сущности-ассамбляжи (М. Деланда). Что касается акторно-сетевой теории (АСТ) и близких к ней подходов, то следует заметить, что в их поле зрения находятся не только социальные (ассоциации), но и естественные, биологические и химические процессы (кроме механических). На первый взгляд они не есть «конструкции» (по крайней мере, некоторые), их «конструирование» при первичном и не очень внимательном рассмотрении есть процесс и продукт естественного хода вещей. Но так ли это?

Есть основание предположить, что они тоже «конструкции», но иной природы. К этому повороту их интерпретации нас подводят функциональный и генетический аспекты рассмотрения технообъектов, что, вероятно, позволит прояснить и онтологический статус самих техносубъектов. Технообъекты (как артефакты) отличаются от естественных объектов, поскольку функция (назначение) технообъекта (в отличие от естественно возникших объектов) и есть его сущность. Но он не действует и не существует вне и независимо от активности его как «машины-для», т. е. существует, когда активен (функционирует). Примером выявления и описа-

ния действия таких естественных объектов, подобных технообъектам, может быть исследовательская практика применения Дж. Ло и А. Мол «метода сборки», заключающаяся в отслеживании и выявлении ими через прямые и косвенные признаки особого объекта – «болезни», который, на мой взгляд, является типичным случаем сложного органического системного образования, подобного, в некотором отношении, технообъекту [15, 18]. Если вскрыть логику рассуждений и проследить последовательность процедур исследования, которую применяют Ло и Мол, то их метод объяснения специфики этого объекта приобретает следующий вид. Заболевание не существует как единая субстанция и субстрат, а как сложная агрегация субстратов (тканей, биохимических процессов), объединившихся и находящихся в постоянном единении случайным образом (как действительная вероятность), при особом стечении условий, породивших и порождающих их взаимодействие. Эти условия-факторы как *следы активности акторов* (согласно АСТ) есть постоянно действующий «фактор-ситуации». Он локален, единичен (как случай) и порожден процессом пересборки комбинаций возможных форм (и результатов) взаимодействия. Так исследователи «строят образ» некоторой гетерогенной целостности, подходящей по признакам к разновидности ассамбляжа М. Деланда, но органического вида. Но он таков и на самом деле, что верифицируется полученными эмпирическими данными и открытостью для наблюдения самого хода исследования и действий экспериментаторов.

Помимо АСТ, объекты как сущности являются центральным предметом рассмотрения в «объектно-ориентированной онтологии» (ООО) Г. Хармана. Обратим особое внимание на сравнение подходов к объектам в АСТ и ООО. АСТ включает объекты в социальную теорию настолько полно, насколько это возможно. Но АСТ предлагает плоскую онтологию, в которой реально всё что угодно, если оно действует [22, с. 9]. Харман же полагает, что это предельно широкий критерий, придающий одинаковый исходный вес всему, коль скоро все одинаково являются объектами, или, скорее, акторами. Однако в другом смысле АСТ совершенно «упускает» объекты, не признавая за вещами никакой скрытой глубины и сводя их исключительно к их действиям. В свою очередь, подчеркивает Харман, ООО вместо замены объектов описаниями того, что они делают (вариант АСТ), или того, из чего они сделаны (вариант традиционного материализма), использует термин «объект» для обозначения любой сущности, которую нельзя парафразировать в терминах ее компонентов или действий [22, с. 10].

Тем самым Г. Харман выделяет то, что можно назвать органичными сущностями. Первый постулат его объектно-ориентированной философии состоит в том, что все объекты в равной степени являются объектами,

но не все одинаково реальны: надо различать автономно реальных объектов и зависимость чувственных объектов от любой встречающей их сущности. Этим ООО отличается от близких ей теорий, наделяющих одинаковой реальностью, но неодинаковой силой всё, что действует или что-то значит в мире [22, с. 11]. Добавлю, что и те и другие, проявляя свою активность, *уже* становятся субъектами, но *разной* силы. В этой связи техносистемы, не наделенные ИИ, – это «слабые» техносубъекты, субъектность которых может быть признана разве что скорее как форма активности «проводников», чем «посредников» (в интерпретации АСТ). Хотя и это не очевидно ввиду отнюдь не пассивности машин и без ИИ при взаимодействии с человеком. А техносистемы с ИИ уже есть собственно *техносубъекты*, поскольку трансформируют передаваемые ими действия в режиме автономной и целеполагающей «интеллектуализованной» активности.

С позиции АСТ и связанных с ней подходов происходит приписывание объектам только двух функций: а) объекты «опосредуют отношения», причем имеются в виду отношения между людьми; б) у объектов есть «агентность» в том смысле, что они важны, когда *вовлечены* в какую-то деятельность. В этом случае они и выступают как «субъекты *слабой* силы», т. е. как агенты. Но агентность есть не только «ношение» свойств, но и их *перенос*, проявление во взаимодействиях с другими объектами. Субъектность как агентность и есть *проявление сущности в-вовлеченности* («сущность является»), в посредничестве. Относиться к объектам, замечает Харман, исключительно как к акторам значит забывать, что вещи действуют, потому что существуют, а не существуют, потому что действуют. При этом, впрочем, Харман не углубляется в пояснение того, что он понимает под действием. «Объекты – это спящие гиганты, берегущие свои силы и не проявляющие их все сразу» [22, с. 14]. Вот именно – спящие! Но такое их существование есть результат предшествующих действий других объектов. И они существуют, поскольку потенциально являются действующими. Только действовать можно по-разному: АСТ обращает внимание исключительно на внешние действия и действия между частями сложносоставных объектов – сущностей-конструкторов. Харман же, вероятно, и по умолчанию имеет в виду и еще какие-то внутренние, скрытые действия. Замечу, что такое качество объектов коррелирует с таким феноменом, как *утеря* разработчиками ИИ *возможности более понимать* логику алгоритмов, самостоятельно создаваемых суперкомпьютерами. Действия искусственного разума становятся для человека умонепостижимыми...

Сложнее с идентификацией «сущности-конструктора» органического вида как особой разновидности Сущности с характеристиками ее как отдельного образования, обладающего некоторыми свойствами субъектности, или же на самом деле являющейся превращенной формой Субъекта.

Характер этого объекта-процесса был проанализирован А. Мол в работе «Множественное тело» [18]. Напомню, что А. Мол изучает процедуры диагностирования такого сложного заболевания, как атеросклероз, которые применяют специалисты из клиники. Она устанавливает парадоксальность исследуемого объекта-заболевания: это не единое расстройство, а множественность патологий, поскольку атеросклероз по-разному определяется при разных сочетаниях симптомов в разных диагностических практиках. Тем самым единое заболевание в разных контекстах (методиках и отчетах) проявляется по-разному. По А. Мол, при разных методах обнаружения производятся разные расстройства. Замечу, что, конечно, «производятся» – это метафора концепта «метод-сборка», но Мол не принимает представления о едином реальном мире [22, с. 33]. В то же время гносеологическая позиция Мол вполне адекватна интерпретации сущности и явления: сущность является по-разному при разных конфигурациях взаимодействия с объектом. На это обращает внимание и Харман: «Когда Анн-мари Мол рассматривает атеросклероз как коррелят конкретной диагностической практики, а не заболевание-в-себе, не следует понимать это буквально (хотя Мол понимает это буквально), будто данный объект не существует помимо практик, регистрирующих его существование (как при ошибочном диагнозе). Его надо рассматривать как синекдоху, в которой новому составному объекту (врач + заболевание) дается имя одной из его частей (заболевания). В этом случае мы можем воздать должное воздействиям людей на объекты, с которыми они имеют дело, рассматривать эти отношения как новые объекты, пусть и мимолетные» [22, с. 58].

Не забудем, что Дж. Ло и А. Мол вообще приписывают людям значительную роль в производстве реальности. Реальность как фрагмент мира, выделяемый в практике или познании, всегда продукт конструирования. Поэтому, употребляя термин «производится», они имеют в виду модель выделяемого фрагмента, получаемую в практиках. Но эти же «производство и сборка» становятся реальностью, когда мы имеем дело со сложными гетерогенными машинными комплексами. В их сущность творческой конструкторской деятельностью инженера-создателя *уже изначально заложена субъектность*.

Любая сущность есть множественность, т. е. существует *как множество, а не единство (единение) единичных*. Для предмета моего исследования учет этого обстоятельства имеет особое значение, поскольку позволяет прояснить специфику возникновения техносистем как «сущностей-конструкторов» и превращения их в техносубъекты. И это действительно так, если речь идет об особых, искусственных объектах – машинах и техносистемах. Их отличия состоят в степени сложности, и каждая степень «отдаляет» эти артефакты от создателя.

Машины – это особые орудия труда, их системы, функционирующие по принципу саморегуляции связей деталей и узлов. Эта саморегуляция как разработанная схема последовательности соединения деталей и условий их согласованного движения делает машину относительно независимой от человека, независимой в отношении отсутствия («отстраненности от») человеческого вмешательства во взаимодействие деталей. Детали как части машины как-целого (технообъекта) взаимодействуют самостоятельно, каждая есть проводник действия для следующей, но вместе они, как машина, включенная в субъект-субъектные взаимодействия между людьми, становятся посредником, неизбежно трансформирующим социальные отношения, превращая ассоциации (общество) в техносоциальные гибриды. И первым шагом (переходной фазой превращения орудий труда в техносубъекты) становится появление технообъектов – объектов особого рода, с первичными признаками субъектности. Они как некая целостная качественная определенность (сущность) *действительно собраны*, т. е. существуют как процесс постоянного собирания или разборки.

По АСТ, объекты есть ансамбли объектов, их устойчиво оформленные совокупности. Ансамбли постоянно воспроизводятся с помощью акторов и актантов. Но связь между частями-моментами сборки ассоциаций осуществляют, по мнению Б. Латура, два типа носителей изменений – проводники и посредники. Причем особая роль именно у посредников: они не просто единица, а то, что преобразует, переводит, искажает и изменяет передаваемое им значение или их элементы [12, с. 58]. Латур также полагает, что социальные объединения могут состоять из нечеловеческих связей [12, с. 63]. Он пишет: «В большинстве случаев мы пользуемся словом “социальное” для обозначения того, что уже собрано и действует как единое целое, не слишком интересуясь природой того, что именно собрано, связано и упаковано вместе... это множество может быть составлено из совершенно разных типов сущностей» [12, с. 64]. Для АСТ социальное – это «ассоциация, возникающая между сущностями, которые нельзя признать социальными в обычном смысле, разве что в краткий миг их перегруппировки <...> Таким образом, для АСТ “социальное” – это название типа преходящей (кратковременной) ассоциации, характеризующейся тем способом, каким она собирается в новые формы» [12, с. 92]. В свою очередь, «любая вещь, изменяющая сложившееся положение дел тем, что создает различие, является актором или, если еще нет фигурации, актантом... по поводу любого агента надо задать вопрос: вносит ли он какое-нибудь изменение в ход действия какого-то другого агента или нет?» [12, с. 101]. Вещи приобретают «фигурацию», когда вступают в действие [12, с. 102], «любое действие будет проклады-

вать свою траекторию через совершенно чуждые друг другу модусы существования, соединившиеся именно благодаря своей гетерогенности» [12, с. 107].

Г. Харман, предлагая свою альтернативную онтологию объектов, подчеркивает, что важной чертой объектно-ориентированной философии является то, что она настаивает на вещи в себе. По Канту, человеческое познание конечно и не может получить доступ к вещам, как они есть на самом деле. Эти «ноумены» можно помыслить, но не познать. У человека есть прямой доступ только к «феноменам». Но этой отсылкой к Канту Харман признает, что познать невозможно и сущности, поскольку они эмпирически недоступны [22, с. 39]. Поэтому и сведения о чертах сущности не есть достоверные сведения, и с их помощью невозможно объяснять, что есть объект и почему он активен таким образом. То есть объяснение через сущность тоже невозможно, но только через фиксацию внешнего проявления. Напротив, АСТ как всякое направление в *научном* познании стремится объяснить причинно-следственные связи так, как они существуют на самом деле. А «на самом деле» они существуют как эмпирически данные.

Вернемся к объектам. Объект есть совокупность свойств, представленных в своих проявлениях. Вскрыть сущность объекта (объяснить его) невозможно иначе, как обращаясь к его проявлениям, которые и есть «внешнее» – активность и действие. А если это технообъект? Но особый – с ИИ? Его сущность как скрывающая тайну сознания, пусть и примитивного, всегда скрыта и не познаваема «напрямую» (в этом Харман прав), но не напрямую она тоже непознаваема, поскольку всегда остается гипотезой, предположением о некоем механизме внутренней связанности частей. Объяснение этого механизма доступно только через фиксацию его действий. «Явление» объекта в обличии его феноменов есть про-явление его сущности. Феноменами технообъекта выступают его функции (поскольку они способ его существования). Эти функции, как искусственные свойства, могут и не быть явлениями (следствием внутреннего), поскольку могут иметь экзогенное происхождение как результат взаимодействий с другими объектами как другими сущностями и другими явлениями. Именно это имел в виду Г. Харман, когда формулировал принципы своей объектно-ориентированной онтологии: «Сущности иногда воздействуют на других и сами испытывают их воздействие, но никогда не разворачиваются в своем обоюдном влиянии, поскольку способны делать что-то еще или даже не делать ничего» [22, с. 26]. Полагаю, что предложенная Харманом онтология позволит приблизить разгадку тайны бытия искусственной формы сознания, создаваемой в виде ИИ, который «не стремится продемонстрировать то, что он еще не стремится сделать».

Техносубъект. Превращение

Как происходит превращение технических объектов в техносубъекты? Они всё же еще остаются объектами, но особыми, находящимися в *переходной зоне* от одной сущности («сущности-конструктора») к другой (органичной техносущности, подобной человеческой личности). Они не вещи в себе по причине своего искусственного происхождения, а продукты конструирования. Их конструкция создается человеком, поэтому она очевидна и открыта для понимания. Почему стоит называть этот вид *техносубъектом* и вообще давать ему особое имя?

Мы присваиваем объектам имена не только на основе различения их с другими объектами, но и для обозначения их функций, отвечая на вопрос «для чего они?». Искусственные объекты созданы под определенную цель как особые инструменты. Естественные объекты имеют «внутреннюю цель» (квазицель), они телеологичны. Социальные объекты есть ассоциации индивидов, объединивших индивидуальные цели. Все они есть целое, поскольку представляют собой системы (не суммы) взаимодействующих частей, воспроизводящие акции для поддержания устойчивости определенного вида целостности. Части есть «органы», т. е. существуют не сами по себе, а только во взаимодействии друг с другом и через взаимодействия (связи), и вообще существуют как некие фрагменты, но не самостоятельные сущности. Превращение в целое означает возникновение новой сущности органической или искусственной природы. И технообъект, будучи воплощенной, наиболее сложной искусственной системой, приобретает качество субъектности. Это превращение подобно описанному Леви Р. Брайантом процессу «демократии объектов» в его *онтикологии* как версии объектно-ориентированной онтологии [2].

По мере усиления внутренней интеграции частей объекта-конструктора этот технообъект всё более становится техносубъектом. «Дело больше не в том, – замечает Ник Ланд, – как мы думаем о технике... техника всё больше думает о себе» [11, с. 34]. Это превращение происходит стремительно, «между общественными и техническими отношениями нет никакой диалектики, но только машинизм, растворяющий общество в машинах и детерминирующий машины на обломках общества...» [11, с. 36]. Техносубъекты – это «сущности-конструкторы», так как, согласно Ж. Делезу и Ф. Гваттари, машинная сборка кибернетична постольку, поскольку ее входные данные задают выходные, и наоборот [4, с. 49]. Более того, машинные процессы не просто функции, но достаточные условия для пополнения функционирования, имманентные перепрограммирования реального, «не только функционирование, но также формирование и самопроизводство» [4, с. 447].

На обозначении современного человека техносубъектом настаивает В. Мазин, поскольку, по его мнению, не существует отдельно человеческого существа и окружающей его техники: «человек и “этот же” человек в автомобиле – “не тот же” человек» [16, с. 14]. Со времен Промышленной революции «машина предстала вывернутым наизнанку субъектом, его проекцией, продолжением, протезом. И бессознательное стало машинным» [16, с. 19]. В эпоху компьютеров субъект превращается в базу данных. Человек строит машины, но и «машины строят человека. Человек с приходом века машин не просто остается техносуществом, но превращается в механизированную марионетку, автомат. Машины не просто влияют на него как нечто отдельное, внешнее – нет, они прописывают субъект изнутри» [16, с. 28]. Возникает тотальный контроль и его воплощение – «машина влияния». Это контроль над мыслями, телесными действиями, чувствами человека. Так наступает Современность. Супермашиной контроля, тотальным субъектом, сущностью-конструктором становится корпорация и ее «душа» – маркетинг [5, с. 223; 16, с. 233]. Господство этой машины влияния приводит к «психовласти» [28, р. 235]. Такое общество контроля основано на компьютере, цифре и шифре-пароле, а субъект становится базой данных на рынке.

Эволюция человека протекала как не столько биологический и естественный процесс, сколько технический, технологический и орудийный. Антропогенез всегда был техногенезом. Но это не две отдельные эволюции, поскольку одна переплетается с другой. Любое орудие труда преобразует человеческую телесность, ее размеры, функции. Орудиями человек совершенствует свои органы и расширяет рамки их деятельности. Органы совершенствуются исключительно вместе с орудиями. В этом процессе человек меняется не столько биологически, сколько технически. Техника, как писал Э. Капп, выступает проекцией человеческих органов, а орудия представляют собой антропоморфную технику [26, р. 3]. Мазин определяет это как «психотехнологическое восполнение биологической недостаточности» [16, с. 46]. *Восполнение* – это одновременно и замещение, и приращение. В философии техники Э. Каппа человек предстает как бы выворачивающим себя наизнанку, создающим внешнее по лекалам внутреннего. Более того, техника становится материальным воплощением психики, а созданный человеком искусственный объект становится для него Другим – объектом для самопознания и самосознания, превращаясь тем самым в субъект. Но и самосознание человека далее «конструируется» техническим объектом. Эта экстенция (как противоположность интенции) человеческой сущности воплощается в необходимости продолжения себя вне себя. При этом человек отключает те органы, чувства и функции, которые подвергаются расширению для поддер-

жания самосохранения и мобильности. Этот эффект М. Маклюэн назвал *самоампутацией* [17, с. 54].

Современность стала эпохой индустрии сознания, которая контролирует не столько самосознание, сколько человеческий мозг, освобождаемый от сознания. Наступила эпоха нейронной инженерии. «Индустриализация души» [25, р. 10] заменила объяснение психики психологией на объяснение в терминах нейропсихологии и нейропрограммирования. Как следствие, сегодня наблюдается всё большее доминирование научных концепций человеческого индивида как невербальной когнитивно-биохемиоральной машины [16, с. 239]. Так разум превращают (в исследованиях и в практиках воздействия на него) в счетную (и просчитываемую) машину, изначально проигрывающую в своих способностях своему порождению – компьютеру. Технонаучная объективация моделирует человека по образу и подобию компьютера, и у них возникает один язык – язык нейронных сетей [16, с. 239].

Выводы

Быть объектом означает иметь качественную определенность и особую сущность: быть отделенным, особенным и относительно самодостаточным. Такие признаки мы обнаруживаем и у субъекта. Но содержание субъекта богаче и качественно иное. Только у некоторых объектов высокая степень самодостаточности выражается в готовности проявлять себя независимо от внешнего воздействия, оказывая влияние на окружение, т. е. *быть активным* для другого объекта. Тем самым в объектах *такого рода* заложен потенциал стать субъектом.

Субъектность возникает у особых искусственных объектов – «сущностей-конструкторов». У различных искусственных объектов можно обнаружить различную степень развития субъектных качеств, возрастающую по мере их усложнения. (А) Пассивные (потенциальные) сущности-актанты, исполняющие роли проводников только в цепи активированных взаимодействий, достаточно просты по конструкции и получают обозначение инструментов. (В) Активные (действующие) сущности – прото-техносубъекты – искусственного происхождения и схожие с акторами, поскольку они автономны в цепи взаимодействий и уже не требуют контроля со стороны человека в поддержании внутренней целостности. Таковыми являются сложные агрегации инструментов, создаваемые как детали (части) машин (целого) для получения эффекта интегративного качества путем превращения в автоматические техносистемы. (С) Техносубъекты – машины особого рода, с ИИ, что превращает их в носителей качества первичной субъектности – способности к интеллектуальным действиям, подобным некоторым базовым характеристикам человеческого разума.

Это особые «сущности-конструкторы». Их качественная определенность заключается в способности ИИ а) генерировать данные недоступного человеку объема; б) ставить и менять цели исходя из возможности, самостоятельно трансформировать собственную техническую и программную «архитектуру», учитывая скрытые свойства компонентов, софтов и алгоритмов; в) производить интеллектуальный анализ внешней и внутренней информации, действуя в пространстве неопределенности, и перепрограммировать себя, создавая новые алгоритмы в зависимости от смены ситуации. Их особо важное качество – способность техносубъектов встраиваться в человеческие интеракции, трансформируя их под себя, усиливая свои субъектные характеристики и интегрируя человеческие качества индивидов с машинными, становясь подобными индивидам. Так происходит их переход к подобию человека как «машины-существа» (живого), являющегося, говоря словами Эдгара Морена, «компьютеринговым существом», которое «конституирует себя собой-и-для себя» [19, с. 196]. Конструирование человекоподобной идентичности сопровождается параллельным процессом «цифровой трансформации» самого человека в соседстве со своим творением – техносубъектом.

Литература

1. *Бескаравайный С.* Бытие техники и сингулярность. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 476 с.
2. *Брайант Л.Р.* Демократия объектов / пер. с англ. О.С. Мышкина. – Пермь: Hyle Press, 2019. – 320 с.
3. *Деланда М.* Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К.С. Майоровой. – Пермь: Hyle Press, 2018. – 170 с.
4. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и пизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 447 с.
5. *Делез Ж.* Переговоры / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Наука, 2004. – 240 с.
6. *Делез Ж.* Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму // Эмпиризм и субъективность / пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Per Se, 2001. – 142 с.
7. *Дубровский Д.И.* Новая реальность: человек и компьютер // Полигнозис.2003. № 3. С. 20–32.
8. *Зассин В.* Гуманность и будущее человека // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 1. – С. 9–27. – DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-9-27.
9. *Кант И.* Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
10. *Кравченко С.А.* Многоликость метаморфоз: о новациях двух канадских социологов // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 26–35.
11. *Ланд Н.* Сочинения. В 6 т. Т. 2. Киберготика / под науч. ред. А. Морозова; пер. с англ. Д.Я. Хамис и др. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 208 с.

12. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: НИУ ВШЭ, 2014. – 384 с.
13. *Левинас Э.* По-другому, чем быть, или по ту сторону сущности // Эмануэль Левинас: Путь к Другому: сборник статей и переводов, посвященных 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 239 с.
14. *Лекторский А.В.* Субъект // Новая философская энциклопедия. – М.: Наука, 2010. – Т. 3. – С. 659.
15. *Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 352 с.
16. *Мазин В.* Машина влияния. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – 256 с.
17. *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. – 464 с.
18. *Мол А.* Множественное тело: онтология в медицинской практике. – Пермь: Гиле Пресс, 2017. – 254 с.
19. *Морен Э.* О сложности / пер. с англ. Я.И. Свирского; науч. ред. В.И. Аршинов. – М.: Ин-т общегуманитар. исслед., 2019. – 272 с.
20. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
21. *Уайтхед А.Н.* Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – 717 с.
22. *Харман Г.* Имматериализм. Объекты и социальная теория / пер. с англ. А. Писарева. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – 152 с.
23. *Храпов С.А.* Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 2019. – № 1. – С. 88–95.
24. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы круглого стола / участники: В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.В. Катунин, И.Ф. Михайлов, Е.О. Труфанова, Е.А. Черткова, И.О. Щедрина, А.Ф. Яковлева // Вопросы философии. – 2016. – № 10. – С. 5–36.
25. *Enzemberger H.M.* The Industrialization of the Mind // Critical Essays. – New York: Continuum, 1982.
26. *Kapp E.* Grundlinien einer Philosophie der Technik. – Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2015.
27. *Searle J.* Internationality: An essay in the philosophy of mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 278 p.
28. *Stiegler B.* Prendre soin, de la jeunesse et des generations. – Paris: Flammarion, 2008.

Статья поступила в редакцию 14.09.2020.

Статья прошла рецензирование 30.09.2020.

PROBLEM OF THE TECHNO-SUBJECT: ON THE SUBJECTIVITY OF “ENTITY-CONSTRUCTORS”

Ignatyev Vladimir,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Professor of the Department of Sociology and Mass Communications,

Novosibirsk State Technical University,

20 Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3243-4404

ighnatiev.v@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of one of the most critical points of our time – the crisis of human subjectivity caused by the emergence of an alternative form of agent of social life in society – a techno-object with artificial intelligence and signs of subjectivity. The author’s goal is to justify the possibility of interpreting the nature of these devices as subject-like objects. The study is based on the explication of the concepts of the subject and subjectivity contained in both classical theories and the actor-network theory and related approaches (B. Latour, J. Law, A. Mol), in the object-oriented ontology of G. Harman, “ontology” of Levi R. Bryant, theories of assemblage of M. DeLanda and complexity of E. Morin, in the concepts of the machine unconscious N. Land and techno-subject V. Mazin. An integrated characterization of a person as a subject is used: an individual being with active beginning, physicality, physicality and length, consciousness, personality characteristics and self-awareness. The criteria for categorizing some techno-objects as a type of techno-subject: autonomy and intelligence are introduced. Such techno-objects are artificial entities, assemblies, ready for transformation into techno-subjects. The difference between “weak” techno-subjects (without artificial intelligence) and techno-subjects themselves (with artificial intelligence) is discussed. It is claimed that techno-subjects, genetically remaining technical entities, are in the transitional zone from one entity – “entity-constructor” to another – organic techno-matter, similar to man. Accumulating components and functions of an active artificial system, techno-objects acquire the quality of subjectivity. It has been established that the artificial entity-subject manifests itself (a) in passive entity-actants; (b) in active proto-subject entities; and (c) actually in “entity-constructor” – techno-subjects with the ability to integrate data, analyze it in a situation of uncertainty, reprogramming themselves and creating new algorithms.

Keywords: subject, entities, ‘entity-constructors’, assemblages, artificial intelligence, techno-object, techno-subject, actor-network theory, object-oriented ontology.

Bibliographic description for citation:

Ignatyev V. Problem of the Techno-Subject: On the Subjectivity of “Entity-Constructors”. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 1, pt. 1, pp. 130–150. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150.

References

1. Beskaravainyi S. *Bytie tekhniki i singulyarnost'* [Being technology and singularity]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2018. 476 p.
2. Bryant L.R. *The democracy of objects*. Ann Arbor, Open Humanities Press, 2011 (Russ. ed.: Braiant L.R. *Demokratiya ob'ektor*. Perm', Hyle Press, 2019. 320 p.).
3. DeLanda M. (2018). *New Philosophy of Society: Assemblage Theory And Social Complexity*. London, New York, Continuum, 2006 (Russ. ed.: Delanda M. *Novaya filosofiya obshestva: teoriya assambleyazhei i sotsial'naya slozhnost'*. Perm', Hyle Press, 2018. 170 p.).
4. Deleuz G., Guattari F. *Anti-Edip. Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007. 447 p. (In Russian).
5. Deleuz G. *Peregovory* [Negotiations]. St. Petersburg, Nauka Publ., 240 p. (In Russian).
6. Deleuz G. *Empirizm i sub'ektivnost': opyt o chelovecheskoi prirode po Yumu* [Empiricism and subjectivity: Experience about human nature by Yum]. *Empirizm i sub'ektivnost'* [Empiricism and subjectivity]. Moscow, Per Se Publ., 142 p. (In Russian).
7. Dubrovskii, D.I. (2003). *Novaja realnost: chelovek I computer* [The new reality: people and computer]. *Polignozis*, no. 3, 20–32. (In Russian).
8. Sassin W. (2018). *Gumannost' i budushchee cheloveka* [Humanitarianism and the Future of Man]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, no. 2, vol. 1, pp. 9–27. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-9-27.
9. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow, Mysl' Publ., 591 p. (In Russian).
10. Kravchenko S.A. *Mnogolikost' metamorfoz: o novatsiyakh dvukh kanadskikh sotsiologov* [The many faces of metamorphoses: about innovations of two Canadian sociologists]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2019, no. 2, pp. 26–35.
11. Land N. *Sochineniya*. V 6 t. T. 2. *Kibergotika* [Works. In 6 vol. Vol. 2. Cybergothic]. Perm', Hyle Press, 2018. 208 p. (In Russian).
12. Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow, HSE University Publ., 2014. 384 p. (In Russian).
13. Levinas E. (2006). *Po-drugomu, chem byt', ili po tu storonu sushchnosti* [Differently than being or beyond essence]. *Emanuel' Levinas: Put' k Drugomu* [Emmanuel Levinas: the path to another]. St. Petersburg, 2006. 239 p. (In Russian).
14. Lektorskii A.V. *Sub'ekt* [Subject]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Moscow, Nauka Publ., 2010, vol. 3, p. 659. (In Russian).
15. Law J. *Posle metoda: besporjadok i sotsial'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2015. 352 p. (In Russian).

16. Mazin V. *Mashina vliyaniya* [Impact machine]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2018. 256 p.
17. McLuhan H.M. *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: External human extension]. Moscow, Kanon-press-C Publ., 2003. 464 p. (In Russian).
18. Mol A. *Mnozhestvennoe telo: ontologiya v meditsinskoj praktike* [Multiple body: Ontology in medical practice]. Perm', Hile Press, 2017. 254 p. (In Russian).
19. Morin E. *O slozhnosti* [On complexity]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2019. 272 p. (In Russian).
20. Sartre J.-P. *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and nothingness: experiences of phenomenological ontology]. Moscow, Respublika Publ., 2000. 639 p. (In Russian).
21. Whitehead A.N. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected works on philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990. 717 p. (In Russian).
22. Harman G. *Immaterializm. Ob'ekty i sotsial'naya teoriya* [Immaterialism. Objects and Social Theory]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2018. 152 p. (In Russian).
23. Khrapov S.A. Krizis soznaniya: "kognitivnyi otvet" tekhnogennoi tsivilizatsii [Crisis of Consciousness: 'Cognitive Response' Technological Civilization]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 88–95. (In Russian).
24. Lektorskii V.A., Dubrovskii D.I., Ivanov D.V., Katunin A.V., Mikhailov I.F., Trufanova E.O., Chertkova E.L., Shchedrina I.O., Yakovleva A.F. Chelovecheskaya subektivnost' v svete sovremennykh vyzovov kognitivnoi nauki i informatsionno-kognitivnykh tekhnologii. Materialy "kruglogo stola" [Human Subjectivity in Light of the Current Challenges in Cognitive Science and in Information and Cognitive Technologies. The Materials of the "Round Table"]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2016, no. 10, pp. 5–35. (In Russian).
25. Enzenberger H.M. *The Industrialization of the Mind. Critical Essays*. New York, Continuum, 1982.
26. Kapp E. *Grundlinien einer Philosophie der Technik*. Hamburg, Felix Meiner Verlag, 2015.
27. Searle J. *Internationality: An essay in the philosophy of mind*. Cambridge, Cambridge University Press, 1988. 278 p.
28. Stiegler B. *Prendre soin, de la jeunesse et des generations*. Paris, Flammarion, 2008.

The article was received on 14.09.2020.

The article was reviewed on 30.09.2020.